

девочке // Экран и сцена. 1996. № 44; Горгома О. Ветер легкий матерок // Сегодня. 1996. 16 июля; Турбин В. Дни на дне // Лит. газ. 1996. № 31; Райкина М. Мы едем, едем. Вот только куда... // Московский комсомолец. 1996. 2 июня; Игнатюк О. Пространство русского сквернословия // Культура. 1996. 27 июля; Лейдерман Н. Драматургия Николая Коляды: критический очерк. Каменск-Уральский, 1997; Кукулин И. Ему и больно, и смешно... // Независимая газ. 2000. 17 авг.; Богданова О. Драматургический постмодерн. СПб., 2003.

О. В. Богданова

КОМАРОВСКИЙ Василий Алексеевич [21.3(2.4).1881, Москва — 8(21).9.1914, Царское Село] — поэт.

Род Комаровских — польского происхождения. Отец К., граф Алексей Егорович Комаровский, был шталмейстером Императорского двора, действительным статским советником. От матери, Александры Васильевны (урожденная Безобразова), будущий поэт унаследовал тяжелый психический недуг, изнурительные приступы которого преследовали его всю жизнь. Сначала К. жил в Тамбовской губ., потом — в Петербурге. После смерти отца, последовавшей в 1897, он поселился в Царском Селе, в доме своей тетки, Любови Евграфовны. В 1900, окончив Императорский лицей, поступил на юридический ф-т Петербургского ун-та, затем, через год, перешел на историко-филол., где учился, с перерывами, много лет. По отзывам современников, К. был человеком отменным образованным, он всерьез занимался живописью, знал несколько языков, свободно читал по-латыни.

К. страстно, самозабвенно любил искусство, которое, по выражению Н. Пунина, «было его колыбелью и его жизнью». Ладом, гармонией искусства он, видимо, умирал хаос своей больной, мятущейся души. Он «как бы вынашивал в себе ритмы и сам казался олицетворением ритмической речи», когда бродил мерным шагом по глухим аллеям царскосельского парка (Голлербах Э.— С. 145–146.). Кому-то К. казался нелепым «чудаком». Но те, кто близко знал поэта, видели в нем романтика, необычного, «странно-очаровательного» человека, не чуждого порой веселой иронии. В последние годы жизни К. был в дружеских отношениях с А. Ахматовой. Весной 1914 он написал посвященное ей стих., сотканное из едва уловимых образов и неожиданных ассоциаций: «**Анне Ахматовой («Вечер» и «Четки»)**». Откликом на это послание явился стих. Ахматовой «Ответ» («Какие странные слова...»), в свою очередь посвященное К.

В. А. Комаровский

Творчество художника, «неожиданное, растрепанное, полное какой-то настойчивой воли и смятенного величия» (Н. Пунин // Аполлон. 1914. № 6–7. С. 87), нравилось далеко не всем. Но были люди, сумевшие оценить его причудливый дар. Особенно ощутимой была поддержка кружка Н. Гумилева, редакции ж. «Аполлон». Именно в лит. альм. «Аполлона» (1912) К. удалось единственный раз опубликовать свою прозу — рассказ-стилизацию «**Sabinula**», в котором талантливо воссоздан эпизод из жизни Римской империи (II в.). Среди героев произведения — знаменитый римский историк Тацит, Публий Агрикола. Редактор журнала С. Маковский в своих мемуарах «На Парнасе „Серебряного века“» почти восторженно писал об этой вещи: «Словесная музыка ее поражает благородством тона, выбором слов, эпитетов — всем холодком самоограничения, краткостью и меткостью» (Маковский С.— С. 247). В том же альм. было опубликовано несколько стих. поэта. И рассказ, и стихи напечатаны под псевдонимом Incitatus (так, по преданию, звали коня Калигулы).

В 1913 в Петербурге вышел сб. стихов К. «**Первая пристань**». Одобрительно отзывался о нем Н. Гумилев, оценивший этот дебютный сб. не как книгу «обещаний», а как книгу «достижений десятилетней творческой работы несомненного поэта». «Все стихи с 1909 г., — отмечал Гумилев, — уже стихи мастера. <...> Под многими стихотворениями стоит подпись „Царское Село“, под другими

она угадывается. И этим разгадывается многое. Маленький городок, затерянный среди огромных парков с колоннами, арками, дворцами, павильонами и лебедями на светлых озерах, городок, освященный памятью Пушкина, Жуковского и за последнее время Иннокентия Анненского, захватил поэта, и он нам дал не только специально царскосельский пейзаж, но и царскосельский круг идей. <...> В первом отделе собраны лиро-пейзажные стихотворения, очень „царскосельские“, хотя и приписанные иногда по капризу автора к другим местам. Во втором отделе — лиро-эпические стихи, веселое блуждание по векам и странам. <...> Третий отдел — „Итальянские впечатления“ — менее значителен, чем предыдущие, хотя, может быть, совершеннее в ритмическом отношении» (Гумилев Н.— С. 176–177). Но в общем сб. почти не был замечен критикой.

Др. книг К., к сожалению, не суждено было издать. Следующий год, 1914, оказался для него роковым. Война, разделившая мир пополам, прошла и через его сердце и душу... Д. Святополк-Мирский, упоминая о том, что К. «писал воспоминания о своих сумасшедших», свидетельствовал: «Из воспоминаний этих я запомнил одну фразу: „Несколько раз сходил с ума и каждый раз думал, что умер. Когда умру, вероятно, буду думать, что сошел с ума“. Он умер сумасшедшим. Начало войны нанесло такой удар его нервной системе, что она не вынесла, и все силы хаоса снова хлынули на него и затопили уже навсегда» (Святополк-Мирский Д.— С. 261–262). Случилось это в психиатрической лечебнице во время буйного припадка...

Через 2 года после смерти поэта в ж. «Аполлон» были опубликованы «**Посмертные стихотворения графа Василия Алексеевича Комаровского**» (1916. № 8. Окт.). Потом о К. в России вспоминали очень редко.

К. никогда не слыл звездой первой величины, но в эпоху блистательного Серебряного века его творчество оставило приметный след. «Комаровский не был гением,— писал критик Д. Святополк-Мирский,— и его „оригинальность“ не была из таких, которые будут со временем оценены и станут пищей общечеловеческой. Она была эксцентрична, необъяснима и для человечества не нужна. В творческом потоке развития он был странным завитком в сторону, никуда не ведущим. Но именно такая оригинальность, совершенно бескорыстная с эволюционной точки зрения, и есть утверждение абсолютной свободы, проявление какой-то божественной иг-

ры...» (Святополк-Мирский Д.— С. 260). К., по словам Н. Пунина, «родился, чтобы сказать два-три слова, сделать жест, и ушел, унося с собою тайну своего духа и своей мысли...» (Аполлон. 1914. № 6–7. С. 86). Впрочем, представление об абсолютной обособленности К. от русской поэзии было несколько преувеличено критиками. Сам К. немало почерпнул у символистов и И. Анненского, а его творческие прозрения нашли отклик у акмеистов (А. Ахматова, О. Мандельштам).

Соч.: Стихи // Ежов И., Шамурин Е. Русская поэзия XX в. М., 1925.

Лит.: Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 175–177; Святополк-Мирский Д. Памяти гр. В. А. Комаровского // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 260–263; Маковский С. На Парнасе Серебряного века. Мюнхен, 1962. С. 223–250; Голлербах Э. Город муз: Царское Село в поэзии. СПб., 1993. С. 145–147; Топоров В. Н. Две главы из истории русской поэзии начала века: 1 — В. А. Комаровский // Russian Literature. 1979. V. 7. № 3. May.

В. Н. Быстров

КОМИССАРОВА Мария Ивановна [22.7 (4.8).1904 (по анкете 1924 Союза поэтов (РО ИРЛИ) и др. данным — 1901 или 17(30).7.1900), с. Андреевское Костромской губ.— 28.7.1994, Петербург] — поэтесса.

Выросла в крестьянской семье из рода Осипа Комиссарова, помешавшего покуше-

М. И. Комиссарова